

Т. И. БУТКЕВИЧ

**<Не раскол и не ересь:
о сущности и причинах русского сектантства>
<Фрагменты>**

ВВЕДЕНИЕ

1. *Понятие о секте.* Для обозначения лиц, по той или другой причине отделившихся от единения и союза с Православною Кафолическою церковью, и их лжеучения в православной богословской науке существует три термина: ересь, раскол и секта.

Ересью называется осужденное Церковью лжеучение, искажающее те или другие основные христианские догматы; таковы ереси: Ария, Македония, Нестория, Евтихия, жидовствующих и др.

Расколом называется также осужденное Церковью самочинное отделение от нее не из-за догматов, а по каким-либо внешним побуждениям, вследствие, напр., сознательного извращения церковных обрядов или упорного отрицания церковной дисциплины; таковы расколы: донатистов, стригольников или мнимого старообрядчества.

Труднее определить: что такое секта? Ни в книгах Св. Писания, ни в святоотеческих творениях как первых трех веков, так и в период вселенских соборов слово «секта» не встречается. Св. Василий Великий (пр. 1-е) знает три вида отпадений от союза с Православною церковью, но называет их ересью, расколом и самочинным сборищем. Под последним он разумеет, однако же, не секту, а самовольные собрания, которые могут быть устрояемы непокорными пресвитерами без разрешения их епархиаль-

ного епископа, или епископами — без согласия их митрополита, или же «ненаученным народом». В Пространном Катехизисе Православной Восточной Кафолической Церкви говорится только о ереси и расколе; о секте же не упоминается.

«Секта» (Secta) — слово латинское, и у древних римских писателей (Цицерона, Плиния, Тацита и др.) оно было употребляемо для обозначения философского метода, правила, школы, учения, отделившихся от общепринятого мировоззрения, приемов, правил и господствовавшего философского учения. Кто не мыслил так, как мыслили все, того и называли сектантом. В этом смысле и Плиний Младший говорит о «секте христиан», появившейся в его время среди иудеев. В Средние века в римско-католической богословской литературе слово это стали употреблять как термин для обозначения общин, отделившихся от союза с Католическою церковью вследствие искажения ее вероучения, т. е., для обозначения общин, несомненно, еретических, но которых учение еще формально не осуждено церковью на соборе. В этом смысле слово «секта» перенесено и к нам нашими южно-русскими богословами, получившими свое научное образование в католических школах.

2. Сущность и причины сектантства. Враждебные Православной церкви писатели, как и неверующие интеллигенты вообще, относясь с симпатиями к сектантству, смотрят на него как на явление отрадное и прогрессивное, как на свободный порыв к свету, как на идеальное стремление к разумной христианской добродетели и устройению по ее началам частной, семейной и общественной жизни; а причины его происхождения полагают в том, что в наше культурное и просвещенное время уже нельзя будто бы находить удовлетворения возвышенным запросам духа и религиозного самосознания в Церкви, — учреждении средневекового византизма, застывшем уже давно в своем движении, отсталом, безжизненном, мертвом. Сектанты, по их мнению, люди передовые, мыслящие, бескорыстно ищущие правды жизни и желающие уяснить себе истинный смысл своего бытия, цель своего существования. Их религия есть вместе с тем и их философия, их народная поэзия. К удивлению, нужно сказать, что в последнее время встречаются даже церковные писатели, представители богословской науки в духовных академиях, которые признают русское сектантство «самородным, самобытным, самостоятельным выражением духовной жизни русского

народа»*, проявлением «живого, неподдельного, искреннего, переходящего в страстность чувства», «исканием формы для обнаружения порывов религиозного чувства», а причинами его происхождения называют «печально сложившиеся исторические обстоятельства»**, «тяжелое общественное положение нашего простолюдина», даже «недостаток свободы в жизни гражданской»*** и, наконец, «неудовлетворительность форм, которые предлагаются Православною церковью»****.

Этот взгляд на русское сектантство и причины его происхождения не соответствует действительности и тенденциозен. Что наше сектантство не есть «явление самобытное, самородное или самостоятельное» в смысле произведения *русского* национального творческого гения, даже в смысле раскрытия русского народного самосознания, этого нет нужды и доказывать. Кто же будет отрицать, что штунда и баптизм¹, как свидетельствуют и самые их названия, порождены немецким протестантством, пашковщина насаждена английским лордом Редстоком, адвентизм² — американцем Вильямом Миллером, молоканство — квакерами³, а толстовщина есть результат влияния пантеистической и материалистической западноевропейской философии? Но то же самое пантеистическое влияние язычествующей в христианстве мысли сказалось и в других видах русского сектантства: хлыстовстве, скопчестве, духоборчестве, иеговизме и др. Как же после этого можно говорить о самобытности сектантства, о творчестве русского народного гения? Как увидим в свое время, в русском сектантстве все — чужое!

Но этого мало. Сектантское лжеучение вообще не может похвалиться и богатством своего содержания. Видное место в нем занимают только *отрицательные* черты: нападки на учение и обряды Православной церкви, отрицание Св. Предания как источника богопознания, Церкви как Божественного учреждения, священной иерархии, таинств, внешнего богопочитания, почитания Богоматери, ангелов и св. угодников Божиих, почитания св. мощей, молитв за умерших, значения добрых дел и христианских подвигов, постов, почитания честного креста, икон и т. п.

* Мисс. обзор. 1896 г. Январь. С. 32.

** Ibid. С. 23–27.

*** Мисс. обзор. 1905 г. № 9. Июнь. С. 1294.

**** Мисс. обзор. 1896 г. Январь. С. 25–27.

Но и эта отрицательная сторона в сектантстве ничуть не оригинальна и не самостоятельна: она целиком заимствована из протестантства. Что протестанты со времен Лютера возражали католичеству, то теперь наши сектанты повторяют в отношении к Православной церкви: перевод с немецкого сделан без всяких исправлений и дополнений.

Что же касается *положительного* учения наших сектантов всех видов и наименований, то оно чрезвычайно скудно, неоригинально и настолько поверхностно, что сами сектанты не дерзают раскрывать его и опираться на него в своих беседах с православными миссионерами, благоразумно стараясь скрывать его от посторонней критики и предпочитая ограничиваться своими отрицаниями и нападками на учение и обряды Православной церкви. После этого говорить о сектантстве как о «самородном, самобытном и самостоятельном выражении духовной жизни русского народа» значит — не только не понимать или умалять, но и оскорблять творческий гений великого народа.

Несправедливо называть русское сектантство и «явлением прогрессивным», «свободным порывом к свету и добродетели», ибо, заимствуя свое содержание от утративших уже всякое значение западноевропейских религиозно-философских мировоззрений и исповеданий и на них устрояя свою жизнь, сектантство русское, очевидно, идет не вперед, а назад. Что признано негодным на Западе, то не может быть животворным на Востоке. Протестантство как отрицание папства и его злоупотреблений, без сомнения, имело свое *историческое* значение; но в России папства не было и нет; Православная церковь, по требованию своих канонов, отрицает его, как отрицает она и все католические заблуждения, а потому насаждения протестантских лжеучений в нашем отечестве могло быть вызвано только искусственно, из пустого подражания Западу. Что же касается сектантского «света» и «добродетелей», то одно хлыстовство с его многочисленными разновидностями или толками ясно покажет нам, каким «светом» оно озаряет своих исповедников и какими добродетелями оно их украсило!..

Скудость положительного учения в русском сектантстве, отсутствие в нем оригинального творчества и перенесение на русскую почву протестантских идей и религиозно-философских мировоззрений Запада с их отрицательными и положительными составными частями — все это говорит только о величии, целе-

сообразности, полноте и всеобъемлемости тех форм для выражения религиозного самосознания и чувства, которые установлены Православною церковью. Оставив родную церковь и намереваясь устроить отдельную от нее общину, русские сектанты были не в силах создать что-либо самостоятельное, ибо все лучшее, что может служить к выражению религиозного самосознания на всех ступенях его развития, уже было достоянием отвергнутой ими Православной церкви. Поэтому им не оставалось ничего другого, как обратиться к различным фракциям протестантства и воспользоваться хотя тем, что осталось в них после разгрома папства и католичества.

Некоторые сектанты в последнее время стали называть себя «евангельскими христианами» или «евангеликами», уверяя, что их вероучение основывается только на одном Св. Писании, ибо предания они не признают. Интеллигентные покровители сектантства поверили этому и начали восхвалять всех сектантов, как единственно истинных христиан, во всей чистоте и неповрежденности исповедующих учение Христа. Места переименованы: на место церкви Православной поставлено сектантство, а на место сектантства — Церковь. Защитники сектантства не проверили слов своих друзей. Правда, в начале появления секты ее исповедники большею частью стараются изучать Библию, но — не с тем, чтобы усвоить содержащееся в ней Богооткровенное учение, а с тем, чтобы найти в ней опору и подтверждение своего ложно-метафизического мировоззрения, которое, при помощи своих «просветителей», они усвоили гораздо раньше, чем взялись за изучение Библии. Изучение Библии не предшествует появлению сектантства, а лишь следует за ним. Но так как в Библии, как Божественном Откровении, сектанты никогда не могут найти оправдания своего человеческого лжеучения, то они с нею не церемонятся: или треплют ее по примеру западноевропейских рационалистов, вроде Баура, Штрауса⁴ или Ренана (так поступают толстовцы, пашковцы, духоборы, штундисты), или же искажают ее смысл своими иносказательными и аллегорическими толкованиями, по которым даже имя «Иисус» превращается в слово «изусть», «ослица» в «девицу», а Иуда объявляется «последовательнейшим» учеником Христа! Если же и с таким толкованием сектанты оказываются не в состоянии найти в Библии оправдание для своего лжеучения, то они прямо отбрасывают ее от себя,

как вещь для них совершенно ненужную. Основатель хлыстовщины все книги Св. Писания сложил в куль и бросил в Волгу; основатель секты духоборов (Побирохин⁵) обозвал Библию «хлопотницей». И теперь духоборы говорят: «в Писании иное тому, иное другому пригодно, а мы принимаем только то, что нам следует». Штундисты и толстовцы объявляют подложными или искаженными все те места, а иногда даже целые книги Св. Писания, которые противоречат их лжеучению. О хлыстах и скопцах и говорить нечего. Вот их характеристические афоризмы: «Евангелие — книга бела, да всех от Бога отвела»; «Кто Библию прочтет, тот с ума сойдет». И эти афоризмы находятся в «божьих словах» сектантов, т. е. в их гимнах, которые только и содержат их вероучение. Там же все книги Св. Писания Ветхого и Нового Заветов названы прямо «тенетами, которыми опутывается народ». Православному миссионеру, желающему сослаться на Евангелие, сектанты часто говорят: «ты эту книгу слож, да под себя полож!» Кто знаком с сектантскими лжеучениями, тот знает, как в них искажено (в некоторых — до неузнаваемости) учение Христа. После этого можно только удивляться, что есть люди, которые сущность сектантства полагают в исповедании чистого и неповрежденного христианского учения, непосредственно заимствованного из книг Св. Писания.

Но в чем же, однако, нужно полагать сущность сектантства и где находятся причины его появления и существования?

Сущность и причины сектантства самым точным образом определяются учением Божественного Откровения. По учению слова Божия, причинами сектантства являются: 1) *неблагодарная* ревность человека о своем спасении (Рим. 10: 2–3); 2) гордость и высокомерие, повергающие иногда даже аскетов, в так называемую, «духовную прелесть» (1 Тим. 6: 3–5; 1 Кор. 8: 2; 10: 15; Рим. 12: 3); 3) увлечение ложною наукою и лжефилософиею (Колос. 2: 4, 8; Евр. 13: 9; 1 Тим. 1: 6–7; 4: 1–5; 14: 1–2; 6: 21, 22; 1 Иоан. 3: 7; 2 Иоан. 1: 7–12; 2 Кор. 4: 3–4; Ефес. 5: 6); 4) плотские похотения или страсти, нравственная разнузданность и ложно понятая свобода, доводящая иногда людей до самообоготворения (Иак. 1: 3–19; 2 Тим. 3: 1–13; Тим. 1: 10, 11; 2 Петр. 3: 3; 2: 1–3; Рим. 16, 17, 18). Но главным виновником сектантства слово Божие называет диавола, как исконного врага человеческого спасения, отторгающего людей

от Бога и старающегося разрушить их союз с Ним (Быт. 3: 4, 5; Иоан. 8: 43–45; 1 Тим. 5: 15; Рим. 16, 20; 1 Петр. 5: 8; 2 Кор. 2, 11; 11: 14)*. Итак, по учению слова Божия, сущность сектантства и причины его происхождения коренятся не в каких-либо внешних — исторических, культурных, социальных или бытовых — условиях жизни, не вне человека, а именно — в самом человеке, в области нашей религиозно-нравственной психологии, а все виды сектантства суть не что иное, как патологические, ненормальные, греховные проявления ложно направленного религиозно-нравственного самосознания человека.

К таким выводам нас должно привести и объективно-научное исследование или анализ появления всякого сектантского вероучения. Мы увидим, что лжеучение сектантов не есть ошибочное только понимание Божественного Откровения, а есть греховное насилие над ним, сознательное искажение его под давлением той страсти, которая и ангела света обратила в диавола, оторвав его от Бога.

Религия охватывает все главные силы духа человеческого: ум, сердце и волю, просвещая первый, облагораживая второе и направляя к добру третье, но — при условии, если эти силы, в свою очередь, способны в соответствующей мере стать под благотворное влияние религии; при нарушении гармонии самосознание человека теряет равновесие и становится на тот ложный путь, который ведет к сектантству и ересям. Кроме того, ум человеческий ограничен в своих способностях и помрачен грехом; он не может во всей полноте, одними своими силами, усвоить истины ума Божественного и всесовершенного, содержащиеся в слове Божиим, т. е. в книгах Св. Писания. Ограниченность его может быть причиной ошибочного понимания не только Божественного Откровения, но и естественных явлений, при некоторых же условиях, она может быть и одною из причин происхождения сектантства.

Католические богословы, ныне весьма внимательно изучающие религиозную жизнь русского народа, обвиняют нашу Православную церковь, утверждая, будто бы она сама содействовала появлению и распространению в России разного рода сектантств. Они ставят ей в вину ее заботы о переводе Библии на русский язык и об ее распространении среди простого неве-

* Подробнее об этом сказано в нашей статье «О сектантстве и сектантах» (Вера и Разум. 1908. № XX).

жественного народа, и не находят слов для восхваления мудрости своей церкви, которая вообще запретила мирянам читать Библию, чем будто бы и спасает их от увлечения сектантством и еретичеством. По их мнению, ошибочное понимание Библии есть единственная причина всякого рода сект.

С таким взглядом согласиться нельзя. Его никогда не разделяла и не будет разделять Православная церковь. Слова Спасителя: «исследуйте Писания» (Ин. 5: 39), сказанные не апостолам только, а даже неверовавшим иудеям, навсегда останутся для нее священным заветом. Библия не плодит сект и ересей, как думают католики; она спасает, а не губит. Как сказано, русские сектанты от того и упорны в своих заблуждениях, что не хотят знать Библии: они ее под себя *положили*.

Вторую причину появления сект и ересей должна быть признана греховная воля гордых и высокомерных людей. Вот пример. Великое дело искупления рода человеческого крестными заслугами нашего Спасителя может быть усвоено нами только верою, под руководством Св. Церкви, при непрременном условии побеждения нами своей гордости и приобретения такого глубокого смирения, которое доставляется человеку сознанием своего бессилия, беспомощности, ничтожества, греховности и невозможности самому достигнуть примирения с Богом. Греховной гордости противно такое смирение и самоуничтожение. Гордец не нуждается ни в чьей помощи. У него есть собственные средства спасения. Свою плоть он может обуздать оскотлением, радениями, постом или веригами. Он сам может быть таким, каким был Христос. Он сам может быть богоносцем и сыном Божиим. Как богоносец, он может быть даже Саваофом, и может поэтому сказать своим последователям, как и сказал основатель хлыстовства: «да не будет у вас других богов, кроме меня!» Нужно заметить, что горделивое приписывание своим аскетическим подвигам излишнего значения часто порождает то патологическое состояние человека, которое принято называть «духовною прелестью»: оно начинается уверенностью человека в своей святости, богодухновенности, даре пророческого ведения, а оканчивается самообоготворением в собственном смысле этого слова. Так произошли секты хлыстов, скопцов, духовоборов, шалопутов с их многочисленными разновидностями.

Третья причина появления сектантства — патологическое состояние сердца человека, как источника чувствований. На этой почве развились, например, секты воздыханцев, плакальщиков, трясун.

Наконец, гордость не терпит ни власти, ни авторитета; а потому каждая секта непременно начинается отрицанием Церкви, иерархии и дисциплины.

Таким образом, рассматривая происхождения сектантства с психологической точки зрения, мы также должны прийти к заключению, что секты появляются и развиваются только на почве патологического состояния человеческого духа, подавленного похотями и страстями, а прежде всего гордостью. <...>

3. *Разделение русских сект.* Весьма затруднительно точно установить определенный критерий для разделения сект по группам, главным образом потому, что все русские секты, даже старейшие из них, существующие уже от 100 до 250 лет (например, хлысты), еще не заключили своих лжеучений в точно определенные формы и даже в настоящее время находятся в состоянии брожения. В нашей миссионерской литературе можно встретить много попыток выработать такой критерий, но все они оказываются неудовлетворительными.

Так, некоторые сектоведы делят все русские секты на две группы: 1) секты простонародные, к которым относят хлыстовщину, скопчество, молоканство, штунду и им подобные; 2) секты интеллигентные: толстовщина, редстоковщина, пашковщина. Но такого деления нельзя признать удачным, потому что к хлыстовщине и скопчеству, например, принадлежали многие интеллигентные лица, а толстовщина и пашковщина легко усваиваются простонародием.

Другие делят все русские секты на евангельские и духовные, потому что одни сектанты заимствуют свое вероучение (будто бы) из Евангелия, а другие — из своих непосредственных откровений; но мы видели уже, как сектанты пользуются Евангелием, а каковы их откровения, увидим в свое время.

Третьи рекомендуют признать критерием разделения сект самые причины, их вызвавшие; но трудно указать такие секты, которые своим происхождением были бы обязаны только одной или некоторым причинам, а не всем им, взятым вместе.

Четвертые хотели бы видеть изложение сект в их хронологическом порядке; но здесь представляется три затруднения: во-первых, не всегда точно известно время происхождения того или другого сектантского толка, во-вторых, некоторые секты явились почти одновременно, а в-третьих, при таком изложении неизбежно было бы разрывать органическую связь между основными сектами и их позднейшими разветвлениями.

Наконец, почти общепринятым обычаем установлено делить все русские секты на *мистические* и *рационалистические*; к первым относят хлыстов, скопцов, шалопутов и им сродных сектантов; ко вторым — духоборцев, молокан, штундистов, баптистов и т. д. Это деление русских сект также не без недостатков. Все секты, по самой природе своей, более или менее не чужды мистицизма, и ни одна из них не может быть названа в точном смысле рационалистическою; можно утверждать только, что в некоторых сектах заключается больше мистического или рационалистического элемента, чем в других. Кроме того, находясь еще в процессе брожения, сектанты одной категории часто делают заимствования у сектантов других категорий и чрез это меняют свой характер в течение самого непродолжительного времени. Новохлыстов Кубанской области уже почти нельзя назвать хлыстами: из мистиков они перешли в грубых рационалистов. Значительное изменение в своем учении допустила и штунда. Отказавшись от многих собственных мнений и сделав позаимствования в толстовщине, штундисты ныне сливаются с баптизмом, от которого в свою очередь отделились «евангелики». Пашковщина среди простого народа выродилась в штунду, от хлыстов отделилась секта Нового Израиля. Молокане принимают баптистическое крещение и иерархию, усвоив в то же время и элементы хлыстовства (кавказские прыгуны и самарские мормоны). Баптисты начинают допускать крещение младенцев. Штундо-баптисты составляют свой катехизис, представляющий немало уклонений от гамбургского исповедания и т. д. Наконец, есть секты, которые совершенно не подходят под рассматриваемое деление. Таковы все секты, развившиеся под влиянием еврейского мировоззрения (адвентисты, жидовствующие, субботники) или выросшие на почве мнимого старообрядчества (немоляки, дырновцы, аристовцы, белоризцы, неплательщики, душители и др.).

Впрочем, деление русских сект на мистические и рационалистические представляет все-таки некоторые преимущества перед другими делениями. Во-первых, оно имеет уже свою давность и в настоящее время может быть названо почти общепринятым, а во-вторых, оно указывает сравнительно лучший критерий делимости если не для всех, то для очень многих русских сект.

